

Кристин Маккенна

Стинг: Чтобы играть рок-н-ролл, не надо обладать интеллектом нейрохирурга

— *Изменил ли вас успех?*

— Этому успеху уже лет десять. Я и так стал бы личностью независимо от того, что вы называете успехом. Иногда мне почему-то кажется, что только незаурядный человек может добиться вершин в своем деле. Однако, если речь идет о рок-звезде, подразумевается, что такой человек может вести себя по-детски и вытворять такое, что в его возрасте просто неприлично.

— *Какое самое распространенное заблуждение относительно успеха?*

— Что успех приносит счастье. А это не так, совсем не так. Но я не думаю, что счастье — это то, ради чего мы появляемся на земле. Мы приходим в этот мир, чтобы учиться и развиваться — быть человеком очень непросто, иногда — больно, а погоня за знаниями облегчает эту боль. Страдают все, но если ты чему-то учишься, твое сознание, разум уже не замечает эту боль.

— *Вы как-то сказали, что успех часто идет рука об руку с жестокостью, и все же, если выбирать между дружбой и успехом, вы предпочли бы успех. Вы по-прежнему так думаете?*

— Трудно сказать. У меня есть успех и ни одного друга. Да и раньше их было немного. Видимо, потому, что для меня главное качество, а не количество. Конечно же, я утрирую, у меня есть три верных и надежных друга. Публика привыкла думать, что у рок-звезды миллионы друзей. Возможно, но ко мне это не относится.

— *Вы поддерживаете отношения с вашими бывшими коллегами по «Police»?*

— Это было нелегкое сотрудничество. Три ярко выраженные личности решают создать группу. А что такое группа? Искусственный альянс, и как следствие — неизбежные трения, но в любом случае мы от-

носились друг к другу с неизменным уважением, хотя, может, и без особой любви. В таком тесном контакте, как с Энди Саммерсом и Стюартом Коплендом, я не смог бы работать ни с одним другим музыкантом.

— *Ваши песни как-то называют о вас? Те, кто не имел возможности знать вас лично, могут ли они понять, кто такой Стинг?*

— Безусловно, песни в той или иной форме отражают мою личную жизнь. А если учесть, что я считаю себя достаточно сложным человеком и процессы, происходящие у меня в голове, тоже не из простых, вероятно, не каждый сможет сделать однозначный вывод: что же такое этот самый Стинг. Уверен, многие мои песни очень противоречивы, мне и самому порой кажется, что некоторые просто писали два разных человека — один злобный и жестокий, другой — веселый, забавный дурачок. В целом любая песня — вещь до определенной степени абстрактная, но при ближайшем рассмотрении каждая из них так или иначе отражает личную жизнь их автора. Получается, я пишу исключительно о себе.

— *И удалось узнать что-то новое?*

— Ну, прежде всего то, что я каждый день как бы заново проживаю детство, но не то, которое было у меня, а... желаемое, что ли. А еще... все больше и больше убеждаюсь, что мои отец и мать — я сам.

— *В одном из интервью вы сказали буквально следующее: «Мифы, которые слагают о рок-звездах, могут быть приятными — читая сказки о себе, я получаю удовольствие, оно недолгое, но это удовольствие. И все же я не верю в легенды и рано или поздно устану от той, которую*

придумали про меня». Так вы устали?

— Я никогда не жил жизнью рок-звезды, никогда не хотел такой жизни и в целом не очень-то подхожу на роль персонажа рок-эпоса. Не надо обладать большим воображением, чтобы «заводиться» перед каждым концертом, «заводить» себя в жизни несколько сложнее, но большинство исполнителей успешно справляются и с этой задачей. Хуже, когда они лгут сами себе, это значит, что они лгут и всем нам, — когда-то я восхищался «The Clash», но, увидев, что это просто-напросто торгаша, я почувствовал себя обманутым. Жить — или делать вид, что живешь — идеями Карла Маркса, — в этом нет ничего дурного, но делать из этого источник дохода — отвратительно!

— *К кому-то из рок-музыкантов вы испытываете чувство уважения?*

— Вот так сразу никого и не назовешь... Дело в том, что рок-мифология настолько тщательно отработана, что трудно отличить правду от вымысла. Где гарантия, что все то симпатичное и человеческое, пишущееся практически про любого, на проверку не окажется ложью? Каждый такой миф — скрытая западня.

— *Вам приходилось самому попадать в них?*

— Если одной из них считать наркотики... Наркотики — символ всего того плохого, что ассоциируется со славой, во всяком случае, со славой рок-музыканта, верно? Как только ты начинаешь съезжать с вершины, тут же появляются наркотики. Это действительно символ, и потому здесь необходим строгий контроль. Нет, я больше не принимаю наркотики.

— *Почему?*

— Потому что однажды попал: утверждая, что они не представляют для меня проблемы, я лгал, лгал в первую очередь самому себе. Рабская психология, и где-то в 1982 году полностью от нее отказался. И, следовательно, от наркотиков тоже.

— *У слушателя сложился определенный образ, имидж Стинга — какой, как вы думаете?*

— Самое поразительное заключается в том, что меня почему-то считают высокомерным. До некоторой степени, может, и так, но это справедливо и по отношению к любому исполнителю, таково условие, которое диктует сцена: «Смотрите на меня и восхищайтесь, потому что я достоин вашего восхищения!» Но вообще-то, я скромненький, замкнут, короче — ничем не отличаюсь от любого другого человека.

— *Определяя себя, вы могли бы использовать слово «тщеславие»?*

— Только под давлением, в официальном документе я попытался бы избежать его.

— *Разве тщеславие — порок?*

— В том деле, которым я занимаюсь — вот видите, я уже защищаюсь, — оно необходимо. Для того чтобы выйти на сцену, в той или иной мере требуется тщеславие. Если бы я не полагал, что неплохо выгляжу и неплохо играю, мои концерты вряд ли бы имели успех. Когда я в форме, не уставший, я выступаю гораздо лучше. Люди выкладывают деньги, чтобы посмотреть на меня, поэтому перед выходом на сцену я должен соблюдать определенный режим, принять ряд мер — репетиции, ванна, хорошее питание, нормальный сон, хотя бы часа три.

— *Как по-вашему, популярная музыка сводится исключительно к общим заявлениям и ни на что другое не способна?*

— Надеюсь, что это не так. В противном случае она была бы совершенно бесполезной, и скорее всего я не захотел бы участвовать в этом балагане. Думаю, популярная музыка может очень тонко и ненавязчиво решать проблемы человеческого общения. Как средство обобщений она малоинтересна, хотя иногда я сам грешу, особенно когда просто нечего сказать, а сказать хочется.

— *Кто, на ваш взгляд, использует рок-музыку для раскрытия сложных, нетривиальных тем?*

— Боб Дилан. Джеймс Тей-

лор... Дилан все же на первом месте. Его лучшие вещи очень личные и очень тонкие. Как правило, его интересует грань между очарованием и безумием, если вы понимаете, что я имею в виду, то есть та черта, за которой явления и события меняют свой знак на противоположный.

— *Однажды вы заявили, что поп-музыка — очень полезная форма искусства, имеющая определенное функциональное назначение. В чем же оно заключается?*

— В разрушительной природе рока. Видимая часть этого айсберга — влияние с системой, выколачивание денег из потребителя, создание шоу-индустрии, но суть рок-музыки — анархия. Это не означает, что музыка перевернет общество или взорвет его изнутри, хотя несколько раз она едва не сделала это. «The Beatles» и движение хиппи очень сильно повлияли на ход войны во Вьетнаме — относительно знака этого влияния можно спорить, но то, что оно было, — безусловно. В конце концов Америка проиграла ту войну, это плохо для Америки и, возможно, плохо для всех нас. Можно же рассуждать и так: впервые люди задались вопросом: «Моя это страна или нет? Если моя, значит я на ее стороне, неважно, права она или нет». По-моему, это очень хорошая позиция.

— *Вы довольно много снимаетесь в кино. Сложно переключиться с рок-музыки на фильмы?*

— По-моему, они очень тесно связаны друг с другом — вероятно, уверенность, с которой я работаю перед камерой, дала мне именно рок-музыка, в противном случае без подготовки мне скорее всего не удалось бы это сделать, по крайней мере безболезненно. А вообще, для того чтобы играть рок-н-ролл, не надо обладать интеллектом нейрохирурга — обычно все как раз наоборот.

— *Разве рок не требует от исполнителя определенного ума?*

— Нет. Среди самых лучших музыкантов нередко встре-

чаются законченные идиоты. Те же, кому удается совмещать, например, то же кино и рок, как правило, очень и очень талантливые люди, достаточно вспомнить Дэвида Боуи и Бобби Дарина. Бобби Дарин был великим певцом и не менее великим актером. А блистательный фильм «Человек, который упал на Землю» с Боуи в главной роли!

— *Не повлияли ли съемки в кино на вашу сольную карьеру?*

— Повлияли: прибавилось работы. Но я не жалею, мой единственный стимул — музыка, поэтому моя музыка должна быть высшего класса.

— *А деньги не стимулируют?*

— Уже нет. Если я почувствую, что в творческом плане выдыхаю, мне плевать будет на деньги, их у меня предостаточно. Но я был бы лжецом, если бы сказал, что не люблю деньги, хотя интересен, конечно, сам процесс их «делания». Но я повторяю: как только мне станет ясно, что механизм под названием «Стинг» безнадежно испорчен или морально устарел, я прекращаю музыкальную карьеру.

— *Популярность вас чему-нибудь научила?*

— Да. И самое главное заключается в том, что популярный исполнитель не имеет права на категоричность. Нельзя раскрывать душу кому попало, иначе можно повредить своим близким, семье. Есть журналисты, которые страшно перевирают твои слова, и в результате может получиться такое, чего не расклебаешь за всю жизнь. Конечно, виноват в этом прежде всего ты сам — звезда обязана нести ответственность за свои слова, пусть даже неверно понятые корреспондентом. Например, моя семья оказалась совершенно не готовой к тому штурму, который предприняли средства массовой информации. Я-то более или менее непробиваем, но те, кто стоит «на обочине» — мои дети, жена, — были буквально смяты. К сожалению, я не могу защитить окружаю-

щих от «осколков» своей карьеры, по большей части я вынужден жить вне семьи, но я стараюсь, чтобы близкие не страдали.

— На какую информацию

имеет право широкая публика? Есть, например, такое мнение: исполнитель в значительной степени обязан публике, которая делает его звездой, которая платит за его концерты и пла-

стинки деньги, создавая тем самым популярность. И, следовательно, публика имеет право знать все о личной жизни того, кого она «вывела в люди».

— В какой-то мере я согласен с такой точкой зрения. Но вы же понимаете, как далеко это все может зайти. Я знаю примеры, когда искренность популярной личности оборачивалась оружием против нее самой, причем оружием страшной разрушительной силы. Это малоприятно.

— Лет семь назад вы сказали: «Будь на то моя воля, я больше не дал бы ни одного интервью». Почему же вы соглашаетесь на них сейчас?

— Некоторые оказываются очень даже полезными. Но я не собираюсь представлять в них оратором и ментором. Кроме того, я не желаю исповедоваться, и, вообще, где вы видите столь жгучие социальные проблемы, которые лично я мог бы проанализировать с пользой для их решения? То важное, что хочу сказать, я говорю в своих песнях, только в завуалированной и, надеюсь, поэтической форме. Вы же реагируете на мои мысли, как вам заблагорассудится. Я стараюсь вести приличный образ жизни, вроде бы обхожусь без подлостей. Я не ангел, отнюдь, но все же считаю себя более или менее нормальным человеком с более или менее нормальными запросами и потребностями.

— Значит, вам не хочется сказать что-нибудь в свою защиту по поводу... ну, скажем, не совсем точных публикаций в прессе?

— Я не считаю, что это публикации про меня. Журналисты придумали какого-то человека, который не имеет ко мне никакого отношения. Скажем, я достаточно изощрен в способах самозащиты, но пишут-то они не про меня. Они ничего про меня не знают и никогда не узнают. Я — крепкий орешек.

Перевод с английского
Сергея Кастальского